Библиотека сатиры и юмора

Евгений Венский

РЕАЛЬНЫЙ МЕТОД

Издательство „ЗиФ"

Константин Елисеев.

РЕАЛЬНЫЙ МЕТОД

За кофием Иван Иваныч сказал:

— Науки классические дали России Сперанского, Магницкого, Константина Петровича Победоносцева и иных достославных мужей государственных, науки же реальные внесли только развал и привели к данной катастрофе...

Анна Пална не согласилась:

— Нет, это вы напрасно. Вот Сергей Никандрыч кончил по филологическому университету, да до 50 лет и был учителем по-латыни, а аптекарев сынок из электротехнического какую карьеру сделал: начал мехами, а теперь три магазина: винный и два мануфактурных...

— Не тот подход, господа! — вступил в беседу хозяин, Иван Данилыч. — Самое главное — изучай, что хочешь и что Наркомпросу требуется, но изучай не мертвую букву закона, а самый дух, так сказать, — самую подоплеку науки...

— Это в математике, а вот в истории или какой-нибудь ботанической гомилетике, ежели не имеете достодолжных показующих предметов... — начал Семен Семеныч.

Иван Данилыч крякнул и заявил:

— Насчет ботаники не знаю-с, а география у меня с Володькой самая правильная. Вот-с! Володька, поди сюда!

Из спальни показался Володька, измазанный чернилами, с засученными рукавами и махновски-настроенными вихрами.

— Ты что там делаешь?

— Сороку крашу.

— Зачем?

— Вместо попугая на «Трубу».

— Лучше бы делом занимался, балбес! Дай сюда географию и встань вот тут.

Володька принес измызганную книжку, правую руку сунул за ремень, а левую за пуговицу рубашки и встал истуканом с недоверчивой ухмылкой.

— Отвечай. Вот, примерно: «Где какие города находятся». Где существует город Париж?

Володька пошарил глазами под диваном и сделал меланхолическое открытие.

— В Лондоне.

— Осел! Про это уж сто раз говорили и проходили! Где Варенькин-то муж, поручик? Ну!

— Во Франции. Париж находится во Франции.

— А где Лиссабон?

— В Лиссабонии.

— Сам ты Лиссабония! Куда уехал Степан Трофимыч с генералом Дрызгуновым?

А! Португалия! Он письмо прислал: в кафе занимается.

— Угадал! Где находится главный город Вашингтон?

— На Кубани.

— Врешь! Туда с Кубани удрал Манечкин муж. Ну?!

— В Америке! Знаю! Он трамвайным кондуктором.

— Правильно! Скажи теперь, где находится город Тимбукту.

— Тимбукту?.. Тимбукту находится... Он находится... Там...

— Где там? На Сухаревке, что ли?

— Забыл! — честно признался Володька.

— Мало ли что забыл! Ты припомни. Куда драпанул Исай Григорьич?

— Ага! Исай Григорьич, который эмигрант? Знаю! Тимбукту находится в Африке.

— Великолепно! Теперь перейдем к другому методу: Какая страна и какой в ней главный город, куда ссыпалась Варвара Петровна?

— Которая? Что монархистка?

— Она самая.

— Австралия! Главный город Сидней.

— Ну и врешь. Она переехала. Помнишь, в «Накануне» письмо в редакцию было.

— Да, да, да. Припоминаю. Бенарес, главный город Ганга. Она в тамошней реке Буэнос-Айресе для браминов белье стирает.

— А жалко Варвару Петровну. Ситценабивная была,— какие капиталы были!

— А скажите, Володя,— спросила Нина Павловна,— где находится город Вальпарайзо?

— Гы-ы-ы! — осклабился Володя, — известно где. Туда мотанулся ваш жених-то. Он Кольке Сапожникову прислал письмо намедни. На индюшке краснокожей женится, а сам ковбоем сделался.

— Ах: Писал?.. Ах!..

Нина Павловна почему-то закрыла лицо платком и выбежала в спальню. За ней скакнули три барышни с испуганными лицами, а Володька возомнил себя Фламмарионом.

— Я все страны и города и реки знаю — и где климат какой и чем занимаются. А вы не знаете!

— Ну, ты это уж чересчур! — оскорбился педагог Кошкин,— я географию хотя и давно, но знал на 5.

— А скажите, в каком главном городе и какой страны живет русский человек, наш знакомый тоже... Лука Тихоныч... фамилию забыл...

— Это который церковный староста, купец?..

— Он самый.

Все задумались и вдруг облили Володьку целым водопадом:

— В Парагвае?

— В Претории?

— В Цинцинате?

— В Сан-Франциско?

— В Абиссинии?

— В Патагонии?

— В Чехо-Словакии?

— В Килиманджаро?

— В Целебесе?

Володька поломался, покрутил вихрами, натянул всем наглый нос и объявил:

— Вот и ни лешего вы не знаете географии! Сначала Лука Тихоныч был собачьим парикмахером в Ревеле (Эстония); потом в Варшаве (Польша) — псаломщиком в синагоге; потом сибирским шаманом в Париже (Франция); потом чревовещателем (Африка); пирожником на озере Альберт-Нианца; анархистом в Токио (Япония), а теперь директором треста «Собачий Пух» на Варварке и хочет еще фабрику снимать.

— Ну, это ты врешь!

— Не вру! Он нам рассказывал на-днях у Берединых, — и я слышал. Я географию, как «Интернационал», знаю, а вы ничего в ней не знаете!

Все сконфузились, замяли разговор и перешли на вопрос о трестах, а Володька стащил со стола несколько пирожных и пошел докрашивать сороку.

ДЫМЧАТЫЙ ПИНКЕРТОН

Чайная «Пчелка» была залита солнцем с обеих сторон: и с Козихинского и с Ермолаевского. На стенах, чистеньких столиках и потолке играли десятки веселых зайчиков от стаканов и блюдечек. Пахло распаренным чаем, жареной рыбой и колбасой с сыром.

Народу было немного. Сидела компания штукатуров, подёржанный пропитой «мещанин» из мастеровых, некто в рваной разлетайке с косматой шевелюрой и козлиной бородой, я и пара фей, в дальнем углу.

У стойки лежала большая черная дворняга и то засыпала, то обиженно взвизгивала, когда мимо нее пробегал мальчишка-половой и наступал ей на хвост.

Разлетайка позвонила ложечкой по блюдечку, расплатилась с мальчуганом и поднялась.

— Вот!.. Не замечая своих поступков, служим изменению видов, — сказал он поучительно, обращаясь ко мне и к буфетчику и указуя пальцем на полового. — Обратите внимание и подумайте.

— Он свое получает, по таксе, — хихикнул мещанин. — Тут думать нечего.

— Сплошное невежество! — презрительно окрысилась разлетайка и продолжала: — по учению Чарльза Дарвина, ежели поставить 1.000 человек на кафе-крышу в Гнездниковском переулке и бросать по одному вниз?.. Что случилось бы?

— В тоем же самом Гнездниковском и сядешь в муре в строгой изоляции: не кидайся! — ответил мещанин.

— Дурак и невежа! Я про эту тысячу говорю! А будет вот что: 999 — расшибутся, а тысячный полетит. По закону приспособляемости!

— Полетел! К милицейскому на угол...

— Вот и собака, — продолжала разлетайка.

— Ну и разговорчивый — профессор кислых щей... — рассердился мещанин.

— Каждой трактирной собаке наступят на хвост в день приблизительно 500 раз. Следовательно, через 1000 лет ни у одной трактирной собаки не будет хвоста. И дворняга и ньюфаундленд, из живущих в трактире, будут похожи на фоксов. Прочитайте учение Чарльза Дарвина.

Разлетайка изысканно поклонилась мне и буфетчику и исчезла.

— Несоответственная личность! — извиняясь за нее, улыбнулся мне сосед-мещанин. — Пустой человек!

Штукатуры рядом тоже улыбнулись и оживились. Рыженький истовый бородач налил всем чаю и с почтением кивнул на собаку.

— Из-за едакой же стерьвы Митрошка Кубарев в чижовке парится.

— За чего? — спросило разом три голоса.

— Комиссарову суку неприличным словом назвал.

— О?

— Истинный осподь!

— Что ж она — на него донесла что ли?

— Не! Так оно обстояло дело. Пошабашили ето мы на Басманной в чайной, а Сенька Терпугов самогону долбанул. Ну, долбанул ето он самогону, приполз на четырех, лег на шпанель и плачет. А комиссар едет. Ну, едет ето комиссар и видит: лежит щикатур и плачет. Спрашивает: — Почему лежит щикатур и плачет? — А наши отвечают: — Иначе у него халера, потому у него задняя нога напополам переломана. — Комиссар говорит: — Надоть карету хворой помощи. — А наши ему: — А ета карета ему ногу и оттяпала, как ехала мимо взлягышки, а он пьяный. — А отчего

он плачет? — спрашивает комиссар. — А плачет оттого, что у него сейчас из кармана три червонца мелочи слямзили. — Тогда комиссар говорит:—У меня есть знаменитая взломищейка, — она моментально три червонца мелочи найдет и вора в комиссариат приведет, потому она очень ученая и самая честная: ни одной тысячи не зажилит.

— Скажи! — ахнули слушатели и затаили дыхание.

— Да. И как он моментально свистнул, то моментально является ета самая взломищейка и почала носом вертеть. Вертела, вертела она носом и моментально шасть на Митрошку, который Кубарев. А Митрошка с перепугу моментально три червонца мелочи отдал, достамши из сапога, потому он их моментально у Сеньки улямзил. А потом в сердцах ету самую суку неприличным словом и назвал. А как она есть на государственной службе юстиции и паек получает, за ето самое его и припаяли.

Штукатуры бросили несколько сочувственных реплик по адресу Митрошки, сказали что-то о суке и задумчиво замолчали.

Сосед-мещанин повернулся ко мне.

— Дозвольте с вами, гражданин, извините за выражение...

— Сделайте милость, — сказал я.

— Темный народ! — кивнул он в сторону, — и даже довольно скушно слушать. А по причине собачьего разговора — какой со мной случай произошел, так уму помраченье.

— А ну, расскажите...

Он перенес на мой столик свой прибор с чаем и снова извинился.

— Я вам, гражданин, скажу в смысле собаки. Есть, конечно, дуботолы, которые только лают и по базарам насчет чужой собственности. Но ето тоже надо понимать: им без воровства нельзя, если хозяин вдругорядь сам без пропитания, а то и хозяина-то вовсе нет. И ета самая нация насчет промышленности шагнула даже вперед лорда

Керзона и других Франций. И в рассуждении мозговой дискуссии — прямо, я вам доложу, извините, ядовитее человека...

— Промысел мой, конечно, сами понимаете: из кроликов мы котиков производим для Смоленского. Ну, конечно, с осени у нас работа, а летом и в прочие части года сидим на декохте и даже приходится с плакатами ходить по городу: буква «Ры» или «Мы». Бывает, что и у катафалки путешествуешь в ливрее: десять лимонов на рыло. Велики ли капиталы?

— Ну-с, вот сижу я, извините, в своем мурье, вдруг мадам Аронсон в забвении чувств летает по двору и в голос воет: — Котлеты с гарниром слопал и рябчика проглотил! — Конечно, окружили ее бабы и все прочее народонаселение: — В чем дело? — А рядом с нами, извините за выражение, молодой человек лет сорока живет без профсоюза, и вообще человек праздный. И у него в наличности имеется агромаднеющий пес дымчатого покроя и самой дорогой породы. Ну, а живут они оба, надо вам сказать, в высшей степени некорректно: то одних рябчиков едят и шимпанское пьют, то сидят зубы на полку и свистят в кулак. Етот самый пес «Пират» в етии дни промышляет о себе сам. Ему, конечно, уважение по всему дому: ребятишки там и непманы — кормят бесперечь все, но только он шибко набаловался и начал организованный бандитизм.

— Ладно. Мадам Аронсон плачет и говорит: — Дам тому пять рублей, кто ему бока обломает за котлеты с гарниром и рябчика по совокупности преступления. — Я, говорю, могу вас в этим деле ублаготворить, — будьте благонадежны. Ета, говорю, Баскервильская собака («Баскервильская»—это приключения знаменитого Шерлока Холмса, гражданин, извините-с), ета, говорю, Баскервильская собака у меня не сорвется!.. И вот, значит, встал я у ворот с половой щеткой, стою я час, стою два, — гляжу: — прет! И жрать не хочет, а ходит и промышляет. И прямо

мимо меня. Тут, знаете, я етой самой щеткой как звездану ему по боку. И что же, извините за выражение, — ну, ей богу, что об стену горох, даже и не посмотрел на меня. Проходит мимо и прямо на задний двор, где все кухни. — Ну, думаю, пойдешь обратно — я те благословлю, я те встречу!

— Ладно. Слышу вскорости визг. — Ой, милый! макароны слопал! Караул!

— А он идет ко мне, словно и не он. Гм!.. Но что вы думаете, гражданин, подошел ко мне шагов на пять — да как сиганет у меня промеж ног, как молния. Я с катушек долой, а он сел на плитуар и, верите ли, гражданин, истинный господь, с места мне не сойти, — сидит и ухмыляется! Ну, чисто человек! Разлетелся ето я на него со щеткой, а он как огрызнется — да так на меня, гражданин, посмотрел, что у меня и душа вон. Скорей ходу домой, — ну, мол, тебя к лешему.

— И вот, представьте себе, какой случился случай. Как он мне отомстил. Висел у нас за окном у мадам Фрадкиной гусь, фунтов на 25. Агромаднеющий! Висел и раз ночью того... улыбнулся. Скандал на дворе, мильтошку с поста притащили, все народонаселение и даже посторонние. И етот самый «Пиратов» хозяин. Шел мимо и полюбопытствовал. Одет чисто барин, с тростью — и ноты в руках. Вот он и говорит:

— У меня есть собака-сыщик. Не волнуйтесь: сейчас найдем вора.

— А кто вы сами будете? — говорит мадам Фрадкина.

— Ето, — отвечает, — вас не касаемо, потому моя должность самая секретная, и открыть я ее не могу даже под присягой.

Тут, конечно, все замолчали, а кое-кто и смылся, потому у нас всякие живут-с. А етот самый молодой человек вышел за ворота и свистнул изо всей силы. И враз перед ним «Пират» и прямо ему на грудь лапами. А он и командует:

— Шерше гуся! Шерше! понимаешь?

— И что ж вы думаете, гражданин? Метнулся етот «Пират» к мадам Фрадкиной, от нее к окну, где гусь висел, и вдоль стены вокруг нашего двора. Затем обратно и снова к нам в толпу. Обнюхал — и вдруг остановился супротив меня. Остановился и смотрит прямо в глаза. Смотрит и смотрит. Ну, думаю, бросится сейчас, — и сидеть мне в чижовке до выяснения дела и личности до окончания века, — и давай я молиться. Молюсь я, гражданин, и в сердце своем етого «Пирата» умаливаю:

— Голубчик, не гляди на меня! Миленький, ищи хорошенько! Голубчик, я те завтра говядины фунта три куплю!

— Ладно! А он смотрит, подлец, и смотрит. Поглядел, поглядел и снова вдоль стены, мимо моей мурьи и опять к нам, и опять мне в глаза смотрит. У меня и души нет. Трясусь, что лист осиновый, и в поту весь. А он еще раз вдоль стены, и опять на меня.

У меня и злость на него несусветная и боязно. Умаливаю я его точно бога:

— Голубчик «Пират», не наводи тени, не страми человека! Век буду за тебя бога молить!

Метался, метался он и пошел со двора, а сам искоса на меня смотрит.

— Значит, ничего нельзя поделать, — говорит евонный хозяин, — гуся унесли со двора, с тем и прощайте.

— Хорошо! Прошло таким манером два дня. «Пират» чисто сгинул. Ни слуху, ни духу. Только в четверток пришомши я с Ваганьковского (с катафалкой ходил), развел ето я свою галаночку, достал из-под полу гуся, который... ну... гусь у меня был, гражданин... с Рождества я его берег, хотел на Тройцу... Хороший гусь, — фунтов, на 25. Ну, обжарил я его с картофелем, занавеску опустимши, и сажусь закусить, — а не ел я ден пять, почитай, — нету промысла, хоть помри.

— И вот, гражданин, какая интермедия произошла. Только ето сел я за стол и гуся поставил, — хоп! Занавеска в сторону, и во всем окне обозначился етот самый «Пират». Морда — во! лапищи — во! грудища — во! Страсти божии! Всунулся он в мое окно и смотрит на гуся. Я было за кочергу, так куда! Как залает, как зарычит, так у меня и душа вон!

— Ну, думаю, созовет народ, беда будет, потому сыщик: ему вера, не то, что мне, ежели я безработный.

— Ну, говорю, пожалуйте сюда в хату. Извините грязно и тесно.

Влез он, гражданин, разделили мы с ним гуся, поел и ушел.

— А? Что вы на ето, гражданин, скажете? Как ето теперь? А говорят: «собака». Уму непостижимо!

— И какая еще история вышла, так совсем страмота. Говорят потом по двору, что етот самый «Пират» и не сыщик совсем, а датский дог, а евонный хозяин и не сыщик совсем, а ахтер с Большого театра. И на афишах ежеденно обозначается крупными буквами. Только очень большой пьяница.

— Вот какие случаи бывают, гражданин. Дозвольте папиросочку.

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

В пользу германских рабочих.

Так было сказано на афише крупными буквами с указующим перстом. Пониже, еще крупнее, было обозначено, что дан будет приезжими гастролерами из Москвы и Питера гоголевский «Ревизор», а пониже — заглавия отдельных актов:

Акт 1. Трах-тарарах! Громовый раскат на наших горах.

Акт 2. Повалялся под лесницей, посплю на перинке.

Акт 3. Хоть с нашлепкой на носу, а сплетни все же разнесу.

Акт 4. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!

Акт 5. Типы, типчики, типунчики! Ах просыпались свистунчики!

А самым крупным шрифтом, тем самым, которым местная «Крымзинская Правда» печатала свой заголовок, так и лезло с афиши:

Первый раз в г. Крымзе. Конструктивная постановка... По Вс. Мейерхольду... Био-механика... Акусматика... В макетах худ. Бряк-Бряковецкого...

Дальше — шрифтом, обыкновенно употребляемым на лозунги — «Подписывайтесь на наш аэроплан» или

«Покупайте облигации сахарного займа», — стояли прочие детали, артисты по алфавиту, цены местам, начало и конец спектакля и т. п.

Козел местного брандмейстера, обычно срывавший все афиши в городе тотчас же по их появлении, на этот раз отнесся к ним очень корректно: внимательно перечитал, подумал и что-то пробурчал.

Не зная в должной мере козлиного языка, мы не можем привести здесь его слов.

* * *

По этой козлиной причине весь город узнал о спектакле знаменитых гастролеров и повалил за билетами.

Отложили на завтра заседание Губоно; комиссия по изысканию каких-то средств в Губпродкоме вовсе не собралась; парикмахер против театра пригласил на этот вечер пять помощников из безработных для завивки, прически и маникюров крымзинских дам; а барышник Костька вдруг потерял свой альт и заказывал в кафе «Прима» шоколад солидным баритоном, хотя шоколад заедал осетриной и морщился.

Ровно в 8 часов театр был залит светом, народом, гомоном и музыкой. Завподиск тов. Поздняков начал говорить несколько слов о предстоящем спектакле, о конструктивизме, акусматике и т. д., но к 9 часам, как раз на половине его речи, с галерки бешено зааплодировали, прерывая речь, а дьякон Вавила Духосошественский, сидевший там в штатском тулупе и светской мерлушке из зайца, добротной октавой выразил всеобщее пожелание на весь театр:

— Давай «Ревизора»! А с брехом катись колбаской до Средней Спасской!..

Тов. Поздняков помигал, развел руки и ушел. Поднялся занавес...

* * *

Слева на «просцениуме» вверх ногами лежал кухонный стол. На одной его ножке висела серая шляпа режиссера,

а на другой торчал глобус из школы. На другой стороне, справа, на ящике из-под папирос «Шутка» стояла в наклонном положении лестница театрального маляра, а на ней развевалось несколько маленьких американских флажков и пальто суфлера. Посередине стоял боком топчан из казармы, досками в зал. На досках было что-то написано по-китайски, нарисованы геометрическая формула и рожица в кругу с палкой. А над всей сценой болталась трапеция, на которой сидел Городничий и читал «Крымзинскую Правду». Тяпкин-Ляпкин сидел между ножками опрокинутого стола и чинил сапог, а остальные персонажи в продолжение всего акта упражнялись в марафонском беге, шведской гимнастике, коллективном кукурекании и мяукании.

Акт кончился в могильном молчании. Только дьякон снова вздохнул на весь театр и вслух октавой подумал:

— Огребли денежки!.. Одначе, — итти покурить...

* * *

В фойе начались дискуссии.

— Что же это такое, позвольте вас спросить? А говорили — «Ревизор»!

— Конструктивная постановка, Анна Павловна, в концепции перманентного достижения, как динамический этап в революционной поступи искусства...

— Ах! Инструкция инструкцией, а все-таки лучше бы лимонадцу...

— Вы, товарищ Чурсин, не так подходите. Доминирующий канон фактуры или, вернее, архитектоники макета в плоскости, разрешенный в данном аспекте...

— Вы, значит, не читали во втором № «Лефа»... Впрочем, в данном случае вы сами видите: материализация фантома гоголевской эпохи не выдерживает революционной критики: трапеция определенно выявляет соглашательский уклон с амплитудой от Городничего до Земляники, сапог у Тяпкина не созвучен идеологическому

комплексу акусматики; кроме того, Анна Андреевна сморкается явно вопреки дисгармонии джаз-банда. Вы не находите?.. В ней слышится что-то от Грига, от Рахманинова, даже от Масснэ.

— Ну-с, Трифон Матвеич, как-с?.. А? Загвожено!

— Био-механика-с!

— Товарищи-граждане, вы в театре, а столь выражаетесь...

— Извините, у нас билет-с, 17 ряда... Мы не даром...

— Айдате, Марь Платона, в биоскоп био-механику смотреть. Гораз веселыше... Там такую акусматику разведут, сам митрополит трепака спляшет...

За сценой стучали молотки; готовилась новая био-акусматика...

* * *

В номерке гостиницы «Лондон» поздно ночью сидели антрепренер труппы и его кассирша. Гастролеры составляли «калькуляцию» для отчета:

ПРИХОД

Выручено за билеты	934 рубля
» » програм	72 »
» » корешки . . .	317 »
Итого . . .	1.323 рубля.

РАСХОД

Музыкантам	111 руб.
За угощение	43 »
Установка макета	300 »
Свет	100 »
Распорядителям	25 »
Конферансье	25 »
Кассирам	12 »
Билетерам	12 »
Дирижерам	4 »
Бутерброды артистам	27 »
Артистам гонорар	733 »
Итого . . .	1.311 руб.

— Правильно, мамочка?

— Правильно! А не будет придирки?

— Голубенок, так ведь мы же даем им чистую прибыль! Кабы не хватило, тогда так-сяк, а то вынь да положь 12 рубликов!.. Хе-хе-хе...

— А расписки от всех заготовлены?

— От всех, мамочка, от всех... Поцелуй меня, мамочка... А за это вот тебе 15 червончиков... От чистого сердца!..

— Тише! За стеной...

* * *

За стеной не было ничего слышно. Секретарь «Крымзинской Правды» разорвал уже 16 листков, составляя статью о помощи германским рабочим.

> Несмотря на то, что каблук Штреземана раздавил революцию, что шипящие гады Гитлера, Людендорфа, Кара и разных Пуанкаре еще не успокоились, — тем не менее рабочие Германии будут стоять на своем революционном посту...
>
> Вчера театр нашего города был переполнен. Не было живого места в театре. Весь сбор поступил в пользу германских рабочих. Спасибо, товарищи! Спасибо, граждане!..

Дальше секретарь писать не мог. Пробило четыре. Он уронил ручку и заснул...

ВЕСЕННЕЕ

Пахнет сиренью и черемухой. Город весь зеленый-зеленый и весь пронизан тысячами разных запахов, от которых хочется беспричинно хохотать, бегать, кричать и махать руками. А внизу беспредельной синью разлеглась Волга и зовет, и манит к себе, и обещает ураганы неизведанных радостей, в которых скрыта еле ощутимая сладкая печаль. Зовы сини, тревожат сердце и куда-то тянут душу...

Вот прошел пароход... Там и сям лодки. А на острове подымается тонкий дымок: рыбаки или охотники варят уху со стерлядью...

Чудно жить на свете!.. Упоение и восторг!..

А Манечка стоит в полутемной зале перед экзаменационной коллегией и отвечает что-то по политграмоте. Буржуазное происхождение, донос дьячка — и пожалуйте к красному столу под портретом Ленина, словно ей 11 лет, и она еще в гимназии.

За столом сидят три мрачных, волосатых инквизитора и что-то записывают на листах.

Манечка знает все, не даром больше месяца учил ее всевозможным премудростям учитель Сошественский, а он дока, — но в голове пахнет сиренью, и стоит такой сумбур, что впору растеряться и заплакать.

У старшего из коллегии в ногтях траур, — и это ужасно отвлекает мысль от нужного предмета. Да еще лезет в голову неотвязная мысль о папаше, мамаше и тете Лизе. Они сидят в передней и ожидают конца.

— Так-с!.. — говорит правый экзаменатор. — А что такое религия?

— Опиум! — бойко отвечает Манечка.

— Правильно! Это ничего. А кто был Христос?

— Правильно! Это ничего. А кто был Христос?

— Христос... Христос был обманщик пролетариата. Его выдумали попы и архиереи... обманывать трудящихся хижин.

— Гм!.. — урчит левый инквизитор. — Правильно, но формулировка не тово... как его...

Он поджимает губы и задумывается, чем ошарашить голубоглазую жертву. Жертва торопливо дополняет:

— На самом деле его не было. Он — вроде баллады... «Евгений Онегин»... Собирательный тип... для обмана.

— Так!.. Что вы нам скажете о Карле Марксе? Кто он был? — натыкается в книжке на вопрос старший.

Манечка смотрит на его ногти и припоминает страницу, в которой говорилось о Карле Марксе. В ней, кажется, еще лежит лист клена.

— Он был... основоположник... своего имени. Он сочинил манифест... Он был родоначальник...

— Туманно, но... это действительно — основоположник коммунизма и манифест... действительно.

— Кто управляет Российской Социалистической Федеративной Республикой?

— Рыков... Товарищ Рыков и товарищ Каменев.

— Ну... знаете ли... это тово... как его... Обывательская точка.

Манечка спохватывается, вспоминает, что по этому пункту было несколько специальных разговоров с репетитором Сошественским и поправляется:

— Ну да, это народные комиссариаты, а главная власть в руках Совета депутатов, поэтому Россия называется Федеративной.

— Именно... — задумчиво говорит левый. — Это другое дело. А то, кого ни спроси, — все Рыков да Каменев. Так... так... Что бы еще?.. Гм!.. А что такое по-вашему из себя представляют священники?

Манечка представляет себе папашу, тощего попика с козлиной бородкой, с бурсы убоявшегося всех властей

предержащих, начиная от урядника и кончая обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода, и потому застрявшего при храме на уездном погосте, — и бойко отвечает:

— Они агенты империализма и культа и служат для морфия... то-бишь, для опиума.

— Правильно! — устало говорит старший. — По-моему достаточно. Видно, что гражданка Студитова читала и учила... подготовилась... На собрание пора...

Правый собирает свои бумажки и задает последний вопрос на десерт, хитренько щуря глаза:

— Да, это конечно... А что вы скажете, гражданка Студитова... какую религию исповедует пролетариат?

— Пролетариат... пролетариат исповедует материю... Мир хижинам, война дворцам... Трудящийся ест, а нетрудящийся не ест... Победим разруху и пролетарий на коня, потому что вся сила пролетариата только в воздушном красном флоте...

— Ну, ладно... Хорошо!.. — торопливо говорит старший. — Вы свободны, гражданка Студитова. Мы вам ставим вполне удовлетворительно, и можете ехать на службу. До свиданья!

— Уф! Ах! Мерси!.. До свиданья!

Что-то пламенное, горячее ударило в грудь, затуманило мозг, яркая непереносимая радость заполнила душу, и краска ударила в лицо.

Манечка пушинкой вылетает из темной комнаты, перелетает несколько других комнат и коридоров и влетает в приемную.

— Выдержала! Ей богу, выдержала!

Папаша, мамаша и тетя истово с серьезными лицами широко крестятся и немедленно за сим расплываются в торжествующих улыбках.

— Слава тебе, господи!

Манечка тоже крестится и с чувством говорит:

— Слава богу! А уж как я боялась!.. Путали, путали, но ни в чем не сбили... Слава богу!..

— Слава тебе, господи! Слава тебе... — лепечет мать.

— Это я сегодня всю ночь молилась, вот и вышло!.. — радуется Манечка...

Все выходят на зеленую улицу. Запах сирени и отцветающей черемухи щекочет душу и так вызывает беспричинную радость, а тут еще...

— Ах, как это хорошо!.. Слава тебе, господи, — ликует тетя Лиза. — Теперь идемте молебен отслужим. Сохрани бог, кабы не выдержала... А теперь опять на службу... и все по-хорошему.

— Да, да, молебен!.. — горячо вторит папаша. — Сейчас молебен отслужим... благодарственный...

— А дома уж наверное пирог-то готов... — сообщает мамаша. — С викторией... сдобный...

Смеется Волга внизу и тянет, и манит, обещает неслыханные радости... А солнце готово кувыркнуться под ноги Манечки и пуститься в трепака.

И из всех палисадников безумно пахнет сиренью и радостью, от которой хочется в блаженном восторге плакать...

— Про тебя, папаша, спрашивали тоже...

— Про меня? Господи помилуй! А что такое? В чем дело? А? Что?.. — вертится попик.

— Что такое священники?

— Ну! ну!.. Что?.. А ты?

— Я говорю: агенты империализма и опиума.

— А! — попик потирает руки.

— А что это, Манечка, за опиум? — спрашивает тетка.

— А когда живот болит, то его пьют... по 10 капель... Проходит... Лекарство такое...

— Касторка лучше... Значит, на экзамене-то и медицина, и ботаника?..

Тетка почтительно поджимает губы...

Пахнет сиренью... Внизу гудит лиловый пароход и, озорничая, пускает в небо клубы дыма...

ЗАГВОЗДКА

Секретарь закатил в нос чуть не полтавлинки, от удовольствия вытянул губы, как бы собираясь свистнуть, и сказал преду, раздиравшему на подоконнике воблу:

— От-то якая бумага прийшла — ни с якого боку зацепки нема.

— А ну, прочитаемо.

Секретарь еще раз зарядил нос и поднял к нему бумагу.

— Оце! — В Непрелейкашинский исполком, Позовибатьковского района, псаломщика Тараса Остапенко прошение. Пересвідчившись в правдивости наукового способу пояснень явищ природы, переконавшись в тім, що релігія це е дійсно опіум, якій розвивается що-раз з поширенням народньой свідомости і наука прогресуе — підіймае людство на вищу ступінь культурного і морального життя... — Оце! Уфф!

— Нейначе, насчет лесу хлопоче бісова душа!—грустно вставил пред.

— Тай годи! Оце дальше... — Пориваючи всі звязки с телеольогичными справами, базаючись лише на законах еволюціі трансформізма і теоріі мутаціі, а що до ідеологіі, приеднаюсь твердо и рішуче до марксистського способу пояснень фактів историі... — Треба раскумекать. Дайте, добродию, квасу...

— От набрехав человик. А де ж про лес?

— Про лес не фиксировано, а от конец: — ...прошу дать права гражданина, бо клянусь быть робітником продуційстом — соціалістом батькивщини. — Га!

Секретарь уставился на преда. Пред уставился на секретаря. Потом секретарь выпил квасу, пискнул и зарядил нос, а пред отложил воблу в сторону и строго подтянул кверху чоботы.

— Ну-ну! — сказали оба вместе и одновременно же увидели в окно подходившего учителя.

— Вот, вчитель йде. Он человик ученый.

Учитель обласкал масляным взглядом воблу на подоконнике и ткнул нос в поданную бумагу.

— А ну, переведите, на який предмет литература? Га!

— Гм! Мррм... мррм... мррм... «способу»... «теорії мутації»... ммр... ммр... Диалектически дисскуссировано!

— В рассуждении какой информации желательно фиксировать?

— Этого не могу досконально анализировать: тут материалистическое понимание кажущегося факта в теоретической идеологии.

— Га! Мы так и полагали. А ну, садитесь, вчитель. Вон продинспектор и страхагент едут куда-й-то. Оба москали и по ученой части в губернском масштабе...

— Крикни-ка их в порядке голосования.

— Га-га-га-га, товарищ Ерблюдов, загляните на один текущий момент! Діду Трохиме, заверни кобылу!

— Ну вот. По какому случаю? Бумага? Сейчас.

— Нет уж, читайте вы, товарищ Юдилович, у меня пенснэ дома...

— Гм! Мррммм... мрмрм... мрмр... «теорії мутації»... мрмрм... «способу»... Н-да! Етто, я вам скажжу, бумага!

— Ну? А на який предмет и по якой придчине ета групировка?

— Оно, видите ли, ежели на ету декларацию взглянуть с точки зрения, то можно констатировать внеклассовый подход, но марксистские предпосылки диктуют полагать,

что представитель данного опиума желает кооптироваться в ряды авангарда мирового пролетариата...

— А насчет лесу ничего?

— Ничего про лес не констатируется. С тем и до свиданья. Нам некогда.

Начальство одновременно сказало «га!» и уставилось на учителя. А учитель водрузил на голову кепку:

— Схожу в ячейку, — дайте бумагу. Может там...

— А ну! Будьте ласковы.

— Кляузный елемент! — говорит пред, — дьячок, то-есть. Какой ни на есть империализм подложит, що «ах»!

— Да, зловредный опиум, тем не менее самогон у него — «ах»!

— Тай годыте, от батюшка отец Ерасим йде со вчителем.

Учитель вводит за собой батю.

— Ну их всех к чорту. У них там насчет германской «чеки» заседание. Не до нас. Вот отец разжует може...

— От то якое дило! А бумага насчет лесу, — носом чую. Надо опиуму лесу на баню дать. Казав вин, що угощение...

— Отец Ерасим, просимо, — будьте ласковы...

— Гряду! Мир дому сему. Да! Напрасно, напрасно, чада моя, образ матери господа нашего изгнали, а иудея, хотя бы и английского подданного, в красном углу воздвигли. Но тем не менее по какому случаю?

— Оце, отец, яка бумага. Що-сь воно таке, будьте столь?

— Бумага? А! От Тараса Остапенко! Знаю. Добронравен и доброхвален есть. Гм!.. «пересвидчившись»... «переконавшись»... кляузно... гм, «що религия е дійсно»... гм, какой товарищ выискался. Царедворец лукавый и гугнивый!... «по законам еволюціі трансформатизма»... фью! куда загнул страха ради иудейска. Вот какая бумага.

— Що ж у ей фиксируется, отец Ерасим?

— В оной бумаге, чада моя, заключается епистолия, сиречь, донос Иуды Искариотского на други своя. Бдите, яко опасно ходите, аз же, раб божий, не иду на совет нечестивых и на пути грешных не ста, а посему зрите сами, да не ввергнут вас в узилище...

— Га! Я ж казав, що дьячок дуже погана фыгура.

— Как же, отец Ерасим, на ей резолюцию ставить? То-есть, какое направление течения на предмет инстанции?

— Отказать! Токмо отказать! Токмо отказать, товарищи, чада моя! А за сим прощевайте, — поспешаю на требу. Отказать, ибо не обосновано.

Тянется скаредно унылая пауза. Пред от огорчения отдает недоеденную воблу учителю и неодобрительно смотрит на выползшую из-под шкафа мышь.

— От оно якое... Що ж ты на це кажешь, секретарь?

— Га! Гм!

— Бо я так полагаю, что в прошении отказать — не обосновано... а лесу на баню дать... Га?

— Та я вже так и написав. Оце! Ставь от тут печать и пиши: «Ничипор Кузовенко».

— Ну и слава богу! «В прошении отказать, а лесу дать».

— За образованность! А угощение... само собой.

КВАЛИФИКАЦИЯ

Лица, принадлежащие к обслуживающему культ и техническому персоналу (певчие, органисты, звонари, сторожа) могут быть членами союза, ибо они не относятся к служителям культа.

Отец Лука, насупившись, сел сбоку у окна. Данилыч почтительно приткнулся на табуретке у двери, а Варсонофий Назаретский монументально утвердил свою тушу перед плакатом, гласившим: «Всякая кухарка должна научиться управлять государством», — и начал его изучать, левым глазом искоса наблюдая за поведением отца Луки.

Еркака голоснула по какому-то вопросу, пошуршала бумагами и секретарь Матвей Причинилов объявил:

— Насчет заявления... члены союза вот... товарищ певчий Назаретский и товарищ звонарь Тараканов... Просят пересмотреть квалификацию, в виду эксплоатации представителем опиума.

Назаретский обозначился у стола и кашлянул, испуганно прикрыв рот волосатой дланью. Все-таки лампочка над столом закачалась. Данилыч засуетился и сказал:

— Кхе! Ето точно! Мы!

— Как обстоит дело с зарплатой и в смысле договора? — спросил председатель Моржов.

Данилыч уповающе побежал глазками по «начальству», а Назаретский гробовой октавой начал информацию:

— Тенор ежели, допустим, канонарх, то, конечно, он по восьмому ходит... сетка... А на одних тенорах не

выедешь... Допустим, басов трое у нас, — ну, как от профсоюза, сиречь Рабиса, — по седьмому... А я одна!

— Как одна? — удивилась делегатка. — Один, то-есть?

— Октава... известно, одна... Не по закону... Почему бас, допустим, Гаврила Генисаретский 32 целковых, а я 28?.. Филистимляне!

— Он четыре класса прошел!.. ноты знает!.. — пискнул издали отец Лука. — И поведения доброхвального!

— Не будьте Понтийским Пилатом, отец! — перевернулась октава, — не будьте! «Доброхвальное поведение»... А кто на Воздвиженье с амвона кубарем летел? А на Василия Кесарийского кто лыка не вязал? Небось, огород под капусту вскопал, так по седьмому, а я в умалении! Саддукеи!

— За саддукеев ты в народном суде скажешь! — встал отец Лука и многообещающе направил трясущийся негодованием перст в сторону нарсуда за окно. — А ты скажи, как ты на великомученика Ермолая «Херувимскую» избезобразил?

От возмущения Назаретский выронил шляпу и замигал, словно от блеска молнии.

— Отец! Отец! Муха!.. Не лжесвидетельствуй!..

— Не муха!.. На муху ты не сваливай!

— Подождите: при чем муха? «Под мухой» что ли? — вопросил Матвей Причинилов. — Держитесь фактов!

Октава, рубя воздух пятипудовой дланью, загремел:

— Допустим, молящихся было битком, как епископ Иоанникий служил, ну, допустим, херувимская Бортнянского и, конечно, соло... Саддукеи!.. А тут, допустим,

Данилыч приложил руку воронкой к уху и оп: суетился:

— Мух у нас, кхе, кхе!.. Несколько!..

— Да при чем тут муха?

— Явственно: не при чем. Альт, допустим, солит, а я, конечно, на низах. Как он сошел на «ре» нижнее, к.

мне «фа» нужно, а муха на листу сидит. Допустим, темно, — я полагал — нота, и вдал соль-диэз с громом. Электричество, — верно, — погасло. Где ж тут справедливость?.. Епископ, конечно, ставит: пьяница; отец Лука из алтаря кулак точит и дьякон Пигрициев «дураком» октябрит. А муха — насекомое, она где хошь сядет! Вот!

— Это к делу не относящее, — недоумевающе бросила делегатка. — Муха, действительно, насекомое, а тут еркака.

— Кхе! Мух у нас в церкви несколько! Жужжат!

Матвей Причинилов почесал нос карандашом и тоскливо осмотрел слоноподобную октаву.

— Он, — (кивок на отца Луку, перебирающего пальцами на тощем чреве), — он стало быть работодатель?

— Он! А сетка неподходящая. Огород под капусту взрыли, вот тебе и седьмой разряд, а за кого купечество храм посещает, — тому 28! — Получай!

Октава загудела еще гуще.

— Надо то понимать, — для купца на тенора наплевать, купец в теноре не разбирается, ему октаву дай, чтобы мороз по шкуре. И 28! А главный доход от кого? За панихиду Секлетеев сколько отвалил? (Полный поворот к отцу Луке) 80 целковых!! Данилыч, верно?

— Кхе, кхе! Ето точно. На 100 человек готовили.

— А что Секлетеев говорил? За тебя, говорит, Варсонофий, только и в церковь хожу. Я на Покров апостола рванул, — вот ремень лопнул, а Секлетеев меня крест на крест. При всех! Украшение храма! Благолепие!

— Суесловишь, мытарь! — не выдержал работодатель. — Недостоин ты седьмого разряда. Дозвольте объ- граждане еркака. Поведение недоброхвальное: (они с ним, звонарем, ежедневно до положения и живут даже вместе по сией причине), дерзит и грубианит, к старшим непочтителен, атеист...

— Лжесвидетельство!! Я — атеист?!! Да спросите весь приход!!

...о к делу не относящее. Держитесь фактов.

Какие ж факты, когда они спьяну в чужую сетку лезут. На рождество пресвятые богородицы к «Достойно» звону не было. Он (указал на Данилыча) в сторожке гармонью чинил; на погребении гражданина бухгалтера из Губстатбюра товарища Крынкина трезвон поднял, как на пасхе; удары делает неровные и без благоговения. Не полагается ему высшей сетки! Пусть при храме пропитывается тем, что положено от союза. И на ухо туг!

Октава отложил на пальцах перечисленные дефекты звонаря, разжал длань и начал считать снова:

— Пьянство! Октаве нельзя, ежели не пить: в бас переходит и «петухи» бывают. «Си-бемоль» непьющему,— сдохни,— не взя...! Ноты я могу все, даже светские, а ежели раз муха села, то, допустим, я при чем? Насчет — атеист будто лжесвидетельство! И причащаюсь, и исповедуюсь, и говею. «Рече безумен в сердце своем: несть бог». А раз я безумен, то на это народный суд есть! Да-с! И все молящие за меня в церковь ходят. Да-с! Секлетеева спросите! А басы по седьмому! Где справедливость?

Данилыч прибавил:

— Кхе! Ето точно! Богатеющий! Епман!

От неслыханного расхода красноречия, Назаретский вдруг ослаб, ткнул перстом в кодекс на стене и в Маркса и сел, обтирая красным платком крупный пот.

Отец Лука тоже указал на декрет:

— Сетка! Не превозносись, Варсонофий! Навуходоносор возвеличился — и погиб!..

Еркака долго шепталась. Делегатка что-то ворчала. Наконец, Матвей Причинилов зачитал:

— Вот! «В виду как тов. Назаретский по квалифкации приносит пользу производству в предприятии, привлекая частный капитал, повысить в 8 разряд. Тов. Тараканову просьбу оставить открытой по поводу глухоты до предъявления медицинского свидетельства от врача».

Назаретский пустил раскат грома, изображающий у него смех, натянул нос у самой бородки отца [illegible]уки и зыкнул:

— Не прежнее время-то! Еркака!!

Работодатель сморщился, как будто намереваясь заплакать, и пошел к выходу. На пороге он обернулся и тыча кукиш в нос следовавшему за ним торжествующему врагу, библейски-грозно возопил:

— Будет тебе теперь муха!.. Я до Рабиса дойду! Будет!..

А Данилыч семенил сзади ликующего приятеля и подтверждал:

— Ето точно! Кхе-кхе! Посудились и буде... Добром-то лучше... Кхе-кхе! Хе-е-е...

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес Издательства:

Москва, Кузнецкий Мост, 13. (Телефон 4-82-73)

Адрес магазина:

Москва, Столешников пер., 5. (Телефон 3-56-83)

Отдел Книготорговли и Центральный Книжный Склад:

Москва, Лубянский пассаж, помещ. №№ 25—30. (Телефон 2-31-78)

Библиотечный Отдел:

Москва, Лубянский пассаж, помещ. №№ 25—30. (Телефон 3-44-44)

Северо-Западное Отделение:

Ленинград, проспект 25 Октября, 13. (Телефоны: 243-08, 154-52 и 95-99)

Украинское Отделение:

Харьков, Троицкий пер., 2

Каталоги по требованию — бесплатно